

малии же выну стоят» (№ 14), «велиции никогда известны живота своего» (№ 57) и др. (№№ 26, 48, 119). Мотивы народного возмущения и постигающего тиранию возмездия являются не в программных сентенциях, а лишь в прилогах и только как уроки истории (№№ 71, 98, 108, 132). Однако минимальная детализация повествования была тут даже удобнее для сближения с современностью, и рассказ о восстании античных рабов не мог не напоминать о недавней разинщине: «Сице сотвориша раби и поселяне в Скифии оставльшиися, понеже егда господа их брань творяху со женами амазонами и во брани той пребыша семь лет, тогда оныя рабы все имение господ своих себе похитиша и сами себе господами сотвориша, и возвращающихся от брани господей своих изгнаша. И тако оные господие с раби своими многую брань творяще, но выну от рабов побеждени бяху...» (№ 4).

В напряженной обстановке последней трети XVII в., на фоне непрекращающихся народных волнений, войн с Турцией и складывающейся абсолютистской монархии, перевод Винууса неизбежно порождал ассоциации с русскими событиями, и последующая судьба памятника, равно как и количество распространившихся его списков свидетельствуют о самом живом внимании к нему современников.

Предварительное обследование 30 (из 60 отмеченных) рукописей «Зрелища» выявляет существование не менее четырех текстологических групп списков (отличающихся главным образом систематически направленными лексическими заменами и, реже, мелкими интерполяциями),⁷ а также ряда сводных текстов (ГПБ, Q.XVII.7; ГПБ, Q.XVII.153; ГПБ, Софийское собр., № 1495; ГБЛ, собр. Ундольского, № 686).

Но почти не видоизменяя текста самих басен, переписчики «Зрелища» остро реагировали на политические идеи сентенций, а также исторических прилогов, оттеняя одни, видоизменяя другие и решительно устраняя третьи, что создавало многочисленные идеологические расхождения между списками одной и той же повествовательно-речевой редакции. Встречаются (и кстати, независимо друг от друга) попытки выборочного, чисто дидактического употребления перевода, из которого удалялось до половины фабул и все прилоги (Софийское собр., № 1428, затем БАН, 28.6.38).

Особая страница в истории «Зрелища» принадлежит его печатному изданию 1712 г., включавшему 125 басен (из 134 переведенных Винусом) с прилогами и столько же гравированных иллюстраций. Ни одного экземпляра этого издания не уцелело, и, несмотря на значительный тираж (500 экз.), оно уже в XIX в. практически было неизвестно библиофилам. Однако сохранившиеся с него списки и оттиски гравюр дают возможность представить печатное «Зрелище» почти во всех деталях и частностях.⁸ Дошла и рукопись, по которой готовилось издание (ГПБ, собр. Титова, № 4851). А то, что для издания «Зрелища» из ряда уже обращавшихся редакций оказалась выбранной основная редакция самого переводчика, наводит на мысль, не причастен ли как-то к его подготовке и Винуус, в то время вновь заседавший по указанию царя за переводы.

Предпринятое едва ли не по желанию самого Петра I, это издание, как

⁷ Первая (возможно, даже предварительная) повествовательно-речевая редакция перевода — типа ГПБ, Q.XV.103; вторая (основная) — типа ГПБ, собр. Михайловского, № 445 (более поздний вариант — ГПБ, Q.XV.42); третья — БАН, 16.6.21 и четвертая — ГПБ, собр. Михайловского, № 120.

⁸ См.: Т. А. Быкова. Затерянное издание «Зрелища жития человеческого». — В кн.: Описание изданий гражданской печати 1708—январь 1725. М.—Л., 1955, стр. 504—514.